

Плотников Николай
Сергеевич

щукинский «ответ» есть в творчестве Плотникова, я бы сказала, что он был Щукиным вахтанговской сцены, после ухода из жизни Щукина. Вахтанговской оказалась сама артистическая природа Плотникова — острейшая характерность при глубинном внутреннем содержании, отточенная форма и бьющие через край эмоции, хитрое лукавство и драматическое мироощущение, комедийная легкость и трагедийное чувство финала всякого маскарада, всякого пира во времена чумы, а других времен не знала Россия. Озорной Труффальдино и «дзержинский» полицейский Жавер, благодушно-ядовитый Земляника и добродетельный рабочий Сердюк — да разве перечислишь все роли Плотникова, достойные забывания, изучения, своеобразной актерской энциклопедии.

Но несколько ролей надо все-таки вынести в заглавные страницы русского, да и мирового театра. Генерал Крутицкий из спектакля Театра Вахтангова «На всякого мудреца довольно простоты» Островского. Как весело-страшен был этот генерал со своими трактатами и прожектами, как умно-глуп, как обдуманно-наивен, как демократично-неприступен, как гротескно-реалистичен, как неправдоподобно-жизнен, как гиперболически-типичен. Право же, у самых «ворот» нашей перестройки с ее реформами и «прожектами» несомненно стоял Крутицкий-Плотников, с головой, блестящей, как бильярдный шар. Кто-нибудь да обязательно еще забьет в свою «политическую лузу» эту голову-шар, этот шар-голову. Академик Камшатов из спектакля «Коронация» Л.Зорина — поистине вахтанговская роль, истоки которой еще в знаменитых спектаклях самого Евгения Багратионовича — «Потоп», «Чудо святого Антония», «Свадьба». Но как и многие вахтанговские актеры, и лучший из лучших среди них — Щукин, Плотников сделал своим и киноэкран. Про-

фессор Синцов из «Девяти дней одного года». Мы смотрели этот фильм в начале шестидесятых, как героическую поэму о физиках, обещавших Земле новую жизнь. Мы смотрели этот фильм годы и годы спустя, как реквием по физикам, открывшим... «Чернобыль». Мы смотрим этот фильм всегда, как горькую боль-воспоминание о чудесных людях, еще не противопоставивших Бизнесу — Душу. И главный среди них — Синцов-Плотников с его душевным здоровьем, физическими страданиями и протяжной речью — надо торопиться, нельзя торопиться, с его тягой к молодым — без них не будет задуманной вечности Земли.

Николай Сергеевич Плотников и сам любил молодежь. Как рассказывают артисты вахтанговского театра, некогда начинавшие при нем театральный свой путь, он никогда не оставлял без внимания первые работы. Он ругал их, делал замечания — очень тихо, отозвав в сторону, оглядевшись, чтобы никого не было рядом. Он хвалил их очень громко, на весь театр, оглядевшись, чтобы рядом непременно было много народа.

Николай Сергеевич оказался своим в вахтанговской труппе еще и потому, что постоянно тянулся к педагогической работе. Все актеры, близкие Евгению Багратионовичу, получали от него особый педагогический дар, становясь профессиональными артистами, они становились и профессиональными наставниками. И эту черту взял у вахтанговцев Плотников, ведя курс в ГИТИСе, преподавая во ВГИКе, ведя актерскую школу на «Мосфильме».

Чужой? Свой — и для Театра им. Вахтангова и для тысяч и тысяч зрителей, видевших и знавших его лично. Будем верить, что следующее столетие, то есть уже двухсотлетие со дня рождения великоленного артиста — непременно с благодарностью и любовью отметят наши потомки.

Инна Вишневская

Театральная газ. -
Чужой 1997. - 21 окт. -
с. 3.

Невозможное это слово — «чужой» — для вахтанговской сцены, куда по неписанной традиции фантастически-гротескного искусства приходили только свои — из студии самого Вахтангова, из школы имени Щукина при вахтанговском театре. И вдруг, в 1938 году в театр этот из мхатовской Студии пришел «чужой» — Николай Сергеевич Плотников, ставший не просто своим, но вахтанговцем из вахтанговцев, традицией из традиций, школой из школ, будто и начинал он вместе с Евгением Багратионовичем чуть ли не с той, памятной студийной «Усадьбы Ланиных», будто и учился он в щукинском училище — у знаменитых вахтанговских педагогов. Не так ли своим стал во МХАТе Качалов — «чужой» по актерским истокам, долгие годы олицетворявший прославленную эту сцену. И когда мы сегодня вспоминаем чудеснейшего актера Плотникова — вынесем и уроки из этих воспоминаний: соединение только родственной крови ведет подчас к вырождению, смелое братство талантов создает и классические театральные труппы, и великие творческие индивидуальности. Да и привел Плотникова в Театр имени Вахтангова Борис Щукин, встретившийся с ним в совместной работе над фильмом «Ленин в 1918 году», где один был Лениным, а другой кулаком. И этот